

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-43

DOI 10.17223/18137083/83/10

«Жизнь Бунина» и «Жизнь Арсеньева»: романные проекции биографии и вызванные ими ошибки

Евгений Рудольфович Пономарев

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия

eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Аннотация

Статья предлагает параллельное чтение романов В. Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» и И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Многочисленные совпадения позволяют говорить о важной роли романских цитат в структуре биографии – иными словами, о «перекодировке» романского нарратива в биографический. Использование романа в качестве источника для биографии Бунина привело к ряду ошибок, касающихся юношеских лет жизни писателя. Некоторые из них не исправлены до сих пор.

Ключевые слова

Жизнь Бунина, Жизнь Арсеньева, Бунин, Муромцева-Бунина, биография, романский нарратив

Благодарности

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01340 «Полное собрание сочинений В. Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание»).

Для цитирования

Пономарев Е. Р. «Жизнь Бунина» и «Жизнь Арсеньева»: романские проекции биографии и вызванные ими ошибки // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 124–138. DOI 10.17223/18137083/83/10

© Пономарев Е. Р., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 124–138

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 124–138

“The Life of Bunin” and “The Life of Arseniev”: novel projections of biography and the mistakes they cause

Evgeny R. Ponomarev

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Abstract

The paper offers a parallel reading of the book “Zhizn’ Bunina” (“The Life of Bunin”) by Vera Muromtseva-Bunina and the novel “Zhizn’ Arsenieva” (“The Life of Arseniev”) by Ivan Bunin. Numerous correspondences allow us to show the crucial role of the novel quotations in the biography composition. Detailed analysis of the text of the first chapter of “Zhizn’ Bunina” reveals all the sources of the biography: the autobiographical synopsis written by Bunin, sketches preserved in the archive after the writer’s death, oral stories by Bunin and his relatives, preserved in the memory of Muromtseva-Bunina, letters of the young writer published in the USSR, extremely rare extended autobiographical notes, the writer’s diaries, and, finally, the novel “The Life of Arseniev”. The autobiographical outline and the novel are recognized as major sources. Referring to the text of the novel, the biography “recodes” the novel narrative into a biographical one. The compilation structure of “Zhizn’ Bunina” is examined: the insertions of Muromtseva-Bunina’s “own text” are found to have an exclusively connecting character for different types of “other texts.” However, using the novel as a source for Bunin’s biography has resulted in a number of mistakes concerning the writer’s adolescent years. This paper provides a typology of mistakes and corrects the most important of them, as some of them continue to affect the scholarly narrative and biographical publications.

Keywords

Life of Arseniev, Life of Bunin, Ivan Bunin, Muromtseva-Bunina, biography, novel narrative

Acknowledgements

This study was conducted at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01340 “Complete works by Vera Muromtseva-Bunina: archive research, complex examination, publication”

For citation

Ponomarev E. R. “The Life of Bunin” and “The Life of Arseniev”: novel projections of biography and the mistakes they cause. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 124–138. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/10

Хорошо известно, как бывал недоволен И. А. Бунин, если критики называли роман «Жизнь Арсеньева» автобиографическим, ибо, опираясь на факты собственной жизни, писатель создавал «историю современника» – «отчужденного» героя. Иными словами, биография Бунина послужила основой для биографии Арсеньева, но была существенно переработана – вычищена, ужата (особенно в последней, пятой книге: события шести лет бунинской жизни пролетают у Арсеньева за два года), переосмыслена. В дальнейшем же, по иронии истории, вышло так, что «Жизнь Арсеньева», в свою очередь, послужила одним из главных источников биографии Бунина, написанной вдовой писателя, ибо это был самый подробный источник сведений о жизни Бунина, из всех доступных в эмигрантском Париже.

Официальным источником для книги В. Н. Муромцевой-Буниной послужил так называемый «Автобиографический конспект» (реконструкция документа выполнена автором этих строк и опубликована в 2022 г. [Бунин, 2022]). Писатель начал составлять его в 1930-е гг., еще обдумывая возможное продолжение «Жизни Арсеньева», а завершил в середине 1940-х гг., как бы направляя будущего биографа. Конспект 1930-х гг., похоже, вырос из набросков романа: писатель стал вспоминать события своей жизни, последовавшие за расставанием с Варварой Пашенко, чтобы наметить сюжетные повороты шестой книги «Арсеньева»¹. Для романа эти наброски не понадобились (роман было решено завершить пятой книгой), но проделанная работа оказалась ценной сама по себе. Листочки Бунина сохранил (ненужные наброски он уничтожил), и они получили новое автобиографическое значение. Этот конспект упомянут В. Н. Муромцевой-Буниной в предисловии к книге «Жизнь Бунина» – наряду с устными рассказами самого Бунина и воспоминаниями его родных, которые Вера Николаевна хранила в памяти. Роман в качестве источника не упомянут, однако он очевидно присутствует в тексте биографии – в виде прямых цитат. Не так бросаются в глаза цитаты косвенные – пересказанные страницы романа или эпизоды, построенные на основе романного повествования. Их не меньше, чем прямых цитат. Не говорим уже об указанной выше генетической связи конспекта с романным нарративом. Таким образом, приходится признать: «Жизнь Арсеньева» существенным образом повлияла на «Жизнь Бунина» и послужила причиной ряда ошибок, часть из которых не исправлена в бунинских биографиях до сего дня.

Мы будем читать книгу «Жизнь Бунина», отмечая ее совпадения как с «Автобиографическим конспектом», так и с романом «Жизнь Арсеньева», следя за механизмами «перекодировки» романа в биографию и исправляя ошибки, вызванные текстом романа.

1. Роман и биография в параллельном развертывании

Отсылки к роману «Жизнь Арсеньева» начинаются практически со второй страницы первой главы. Сразу после сообщения о переезде семьи Буниных из Воронежа на хутор Бутырки сказано:

Однажды летом, когда мы жили с Иваном Алексеевичем в Васильевском после 1907 года, в имении его двоюродной сестры, Софьи Николаевны Пушешниковой, мы с ее сыном Колей и с Юлием Алексеевичем ездили туда, где был хутор Бутырки, на месте которого колосилось, действительно, «море хлебов»... Иван Алексеевич все же указал место дома, варка, сада... Он с грустным видом долго слушал полевою овсяночку и неожиданно воскликнул: «Да это не Босфор, не Дамаск, не Италия и даже не Васильевское! Это мое грустное детство в глуши!» А мне эта глушь несказанно понравилась тишиной и простором [Муромцева-Бунина, 1989, с. 27–28].

«Море хлебов», как и грусть «в великой глуши» – цитата из II главы первой книги романа:

---

¹ См. прилож. 1 к автобиографическому конспекту [Бунин, 2022, с. 611–612].

В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... [Бунин, 1952, с. 10]².

Это цитирование сразу же соединяет «Жизнь Бунина» с «Жизнью Арсеньева», предполагая параллельное развертывание двух текстов в дальнейшем. Так и оказывается. Практически следом идут еще две отсылки к роману – изложение необычных для ребенка желаний (плыть на облаке, поиграть со звездой) со специальным указанием: «как он пишет в “Жизни Арсеньева”» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 28] – и описание первой поездки в Елец с многочисленными цитатами из романа. Этими цитатами подготовлено и не прямое цитирование, которое впервые обнаруживается в рассказе о матери Бунина:

Мать имела характер меланхолический. Она подолгу молилась перед своими темными большими иконами, ночью простаивала часами на коленях, часто плакала, грустила. Все это отражалось на впечатлительном мальчишке.

А тревожиться и горевать у нее уже были основательные причины: долги все росли, дохода с хутора было мало, а семья увеличивалась – было уже пять человек детей [Муромцева-Бунина, 1989, с. 31].

Ср. в романе:

И не раз видел я, с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами... О чем скорбела она? И о чем вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночам, плакала порой в самые прекрасные летние дни, сидя у окна и глядя в поле? О том, что душа ее полна любви ко всему и ко всем и особенно к нам, ее близким, родным и кровным, и о том, что все проходит и пройдет навсегда и без возврата, что в мире есть разлуки, болезни, горести, несбыточные мечты, неосуществимые надежды, невыразимые или невыраженные чувства – и смерть... [Бунин, 1952, с. 36].

Отметим разные причины скорби матери в биографии и романе: если Арсеньев как бы заимствует у матери ощущение неисповедимой тайны земного бытия, которую в дальнейшем будет воплощать в творчестве, то в биографии сняты метафизические смыслы и добавлены бытовые: начинается разорение семьи, а мать не знает, что с этим делать. Такой прием трансформации текста романа в текст биографии мы увидим и в дальнейшем: романский текст будет освобождаться от философского подтекста и выступать в прямом, нередко бытовом значении.

Продолжает параллелизм двух текстов рассказ о том, как герой впервые ощутил смерть: пастушок, сорвавшийся вместе с лошастью в Провал, есть и в романе, и в биографии. Загораживающие ребенка слова «мертвое тело» выделены и там, и там. Упоминания гумна и каретного сарая имеют соответствия в романе, однако в романе эти локусы большого двора существуют сами по себе, в биографии они становятся декорациями детской дружбы с сестрой Машей. Приятельские отношения с крестьянскими детьми представлены как проведение времени в компании «пастушат» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 32]. Это слово повторяется несколько

---

² Роман цитируется по последнему прижизненному изданию – наиболее полному и точному тексту.

раз в первой главе биографии («пастушата» идут вслед за родными и слугами в списке тех, кого мальчик научился «различать» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 30]), создавая легкий пасторальный колорит, – и восходит, вероятно, к истории пастушка, сорвавшегося в Провал. Эпизод романа, когда Арсеньев и его маленькая сестра Оля объелись белены, повторяется и в биографии.

Романные эпизоды биограф дополняет отдельными зарисовками, обнаруженными в архиве Бунина, – записями, иногда очевидно биографического характера (желание лгать, которое напало на мальчика; фраза «у меня горя мало»³, картавость в детстве⁴), но большей частью художественными набросками из деревенского быта, которых немало среди сохранившихся в архиве Бунина. Дочитав первый раздел первой главы до конца, заключаем, что рассказ о самом раннем детстве компилятивен и строится от цитаты к цитате. Его основу составляют пересказы – в несколько измененном виде – эпизодов «Жизни Арсеньева», в качестве дополнения используются отдельные наброски Бунина о деревне, детстве, родных (вероятно, предназначавшиеся для художественных произведений, но так и не использованные в них⁵).

Очень похоже выстроен и следующий раздел биографии, охватывающий жизнь Бунина догимназического периода. Второй раздел первой главы рассказывает о Николае Осиповиче Ромашкове – воспитателе и первом учителе Вани, готовившем мальчика к поступлению в гимназию. Изложение во многом опирается на страницы романа, иногда заменяя некоторые подробности, иногда разворачивая одну из них. Так, в романе сказано, что мальчик учился читать по русскому переводу «Дон Кихота», в биографии к роману Сервантеса добавлена еще и «Одиссея» (переводчик не указан, но, вероятно, подразумевается: это В. А. Жуковский, т. е. сын дворянина Бунина, как любил напоминать писатель во всех автобиографических записках). Список книг и журналов, прочитанных с первым учителем и разбудивших воображение, практически совпадает с тем, какой есть в романе. Несколько бытовых анекдотов о Ромашкове (например, кличка «Парик», данная ему, – и утраченный «головной убор» во время половодья) и рассказ о Гоголе, которого он однажды видел, разбавляют романский дискурс. То и другое, вероятно, почерпнуто из устных источников.

Смерть сестры Саши, поразившая юного Бунина, во многом дана по роману (показательна повторяющаяся в обоих текстах деталь: топочущие крепкие ножки). Однако вместо звучащего в романе «потрясающего слова» «кончается» [Бунин 1952, с. 58], рифмующегося с сочетанием «мертвое тело» из главы о гибели пастушка, в биографии приведена развернутая запись взрослого Бунина о своих детских впечатлениях от смерти сестры. Любая автобиографическая запись, сделанная по поводу ключевых событий детства, позволяет уйти от текста романа. Проблема в том, что таких записей практически нет.

Вдове-биографу приходится вновь и вновь возвращаться к тексту «Жизни Арсеньева» и перестраивать эпизоды так, чтобы они не повторяли роман один к одному. Если в повествовании о Ромашкове романские детали усиливаются допол-

³ См. рассказ о ней в полном тексте дневников: [Бунин, 2022б, с. 436].

⁴ Заимствовано из записной книжки: [Бунин, 2022в, с. 568–569].

⁵ Запись о жеребце «бунинской породы» взята из записной книжки писателя [Бунин, 2022в, с. 523]; запись о покойниках, которые приходят к своим домам погреться, – из набросков на деревенскую тему [Бунин, 2019, с. 161]. Рукописные наброски Бунина о деревне сохранились в его архиве на нескольких листах с отобранными (переписанными набело) заготовками для дальнейшей работы.

нительными подробностями, то в ряде случаев используется противоположный прием – свергывание подробностей в эпизодах, которые знакомы читателю по «Жизни Арсеньева». Это, например, поездки в церковь в село Рождество (оно в романе не поменяло название), посещения усадьбы бабушки, увлечение житиями святых после смерти сестры, юношеская любовь к Пушкину и Гоголю.

Третий прием перестройки эпизодов, общих для романа и биографии, – это небольшие вставки, актуализирующие неизвестные моменты семейной хроники (реакция отца на убийство Александра II, смерть бабушки, ее чудовищная полнота в старости).

Следующий раздел начинается поступлением Ивана в гимназию. Несмотря на появляющийся с этого момента новый источник – записи автобиографического конспекта (впрочем, гимназические годы в нем даны крайне скудно), роман – по-прежнему основа сведений для биографии. Цепочка романских мотивов (прощание с семьей, экзамены, пошив формы и покупка фуражки, фраза отца про амаликитян, пугающая разлука с семьей и предвкушение новой жизни, охота с отцом; дорога в город – ворон, по словам отца, видевший Мамаю, Становая и легенда о разбойниках, мещанский дом и другой мальчик, тоже поступивший в гимназию, «русскость» хозяина дома, поэзия Никитина и Кольцова) лишь изредка разбиваются дополнительными деталями (жалость к Ромашкову, с которым Ваня разлучался, прогулки с братом Юлием). Основной источник сведений хорошо виден по атрибуции легенды о вороне – через «Жизнь Арсеньева»: «<...> и отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах...» [Бунин 1952, с. 75]. В «Автобиографической заметке (Письмо к С. А. Венгеру)» (1915) Бунин утверждал, что миф о воронах, живущих по несколько сот лет, был рассказан ему не отцом, а матерью: «<...> ворон, все прилетавший к нам на ограду и поразивший мое воображение особенно тем, что жил он, как сказала мне мать, еще, может, при Иване Грозном...» [Бунин, 1915, с. 323]. Однако автобиографические заметки Муромцева-Бунина практически не использует, хотя иногда на них и ссылается (см. отсылку к «Автобиографическим заметкам», напечатанным в первом томе Собрания сочинений «Петрополиса», в разделе 6 второй главы – рассказ о посещении писательницы Шабельской). Отметим еще, что вся фраза мещанина Бякина: «Надо, барчук, ко всему привыкать, мы люди простые, русские, едим пряники неписанные, у нас разносолов нету...» – полностью повторяет фразу мещанина Ростовцева из романа.

Рассказ о первом гимназическом утре вновь построен по канве, заданной романом: солнце, подробное описание гимназического мундира, новые впечатления (существенно сокращенные, по сравнению с романом) от коридоров, классов и учителей. Следующие абзацы об учении первого года представляют собой краткий конспект отдельных моментов романа (приезды родителей, церковные службы, на которые водили гимназистов) с добавлением деталей – вероятно, из устных источников (плакал после отъезда родителей, два раза падал в обмороки на всеобщих).

Первый существенный отход от текста романа отмечаем в конце раздела 3: это рассказ о летних каникулах. Подробности семейной жизни Буниных, вероятно, были известны Вере Николаевны по рассказам мужа и его близких. Раздел 4 опирается уже не на роман, а на записи автобиографического конспекта – как не дошедшие до нас (о сыне Бякина, нравящейся ему девушке и порнографической карточке), так и сохранившиеся (о приятеле Юлия Иордане, с которым брат вне-

запно бежал из Ельца; о гимназистке Юшковой⁶). Довольно много сведений почерпнуто, вероятно, из устных источников – иногда непосредственно от Бунина (например, сообщение о том, что юноша в этот раз был отдан на жительство не к Бякину, а к кладбищенскому скульптору, и на елецком кладбище есть черепа и кости, изваянные будущим писателем). Раздел 5 равным образом комбинирует в качестве источников краткую запись автобиографического конспекта, текст романа (провода брата Георгия на вокзале), устные семейные истории, а также художественный набросок Бунина о воре по прозвищу Ткач, привязанный Верой Николаевной (как рассказ бывшего дворового бабушки) именно к этому периоду⁷.

Продолжение раздела – женитьба брата Евгения. Изложение здесь большей частью построено на устных преданиях семьи, рассказах самого Ивана Алексеевича и записях автобиографического конспекта (тем более что в роман не взята история влюбленности Вани в младшую сестру невесты Дуню, а в конспекте эта история представлена⁸), но некоторые подробности, вероятно, почерпнуты и из романа:

Он в новом гимназическом мундире надевал туфельку невесте, положил туда золотой, ехал с ней в карете с образом к венцу, а потому чувствовал себя одним из действующих лиц [Муромцева-Бунина, 1989, с. 54].

Ср. с текстом романа:

<...> когда я, затянутый в новый блестящий мундир, в белых перчатках, с сияющими глазами и напомаженный, надевал белую атласную туфельку на ее ногу в шелковом скользком чулке, а потом ехал с ней в карете на могучей серой паре в Знаменье [Бунин, 1952, с. 130].

В событиях следующей осени уже практически не видно переработки романа, тем более что Арсеньев все четыре года гимназической жизни проводит у мещанина Ростовцева, а Ваня Бунин переезжает уже во второй раз – теперь на квартиру к своей двоюродной сестре Вере Аркадьевне, поселившейся в Ельце. Весь рассказ о ее богемном образе жизни не имеет параллели в «Жизни Арсеньева» – следовательно, основан на иных источниках. Но одна деталь – которая очень важна в поэтике романа – вдруг вставлена и в этот отрывок: «При въезде в город его на этот раз поразили ворота монастыря, на створах которых во весь рост были написаны два высоких святителя в епитрахиях. Утро было серое, на душе у него – грусть» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 55]. Вызывает некоторые сомнения мотивировка: юноша уже несколько лет ездит мимо ворот, но поразили они его именно сейчас. В романе герой замечает святителей на воротах, когда бродит по городу, переживая арест брата. Глядя на них, он испытывает религиозное откровение и начинает истово молиться. Таким образом, органичная романная деталь ощущается внутри

⁶ Ср. в автобиографическом конспекте [Бунин, 2022а, с. 596].

⁷ Этот эпизод сохранился на систематизированных листах с отдельными набросками на деревенскую тему. Рядом с этим рассказом о Ткаче – переписанный В. Н. Муромцевой-Буниной значительно выше, в разделе 1 первой главы, рассказ об обычае разводить костры у своих изб под Рождество, чтобы покойники погрелись [Бунин, 2019, с. 162].

⁸ Забавно, что рассказ о том, как Ваня первый раз поцеловал Дуню, предваряется ремаркой: «рассказывал мне Иван Алексеевич» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 54]. На самом деле это не рассказ, а запись «Автобиографического конспекта», переданная почти слово в слово (чуть развернута в первых ее предложениях). Ср.: [Бунин, 2022а, с. 597].

биографии неудачно вырванной из контекста. Появилась она здесь из автобиографического конспекта: «Серое утро, ворота монастыря при въезде в Елец» [Бунин, 2022а, с. 597].

Шестой раздел первой главы практически полностью построен на цитировании дневниковых записей об Э. В. Фехнер⁹. Седьмой раздел, по-видимому, опирается на рассказы Ю. А. Бунина, записи И. А. Бунина, далее идет стихотворение «На хуторе» и запись о песне, которую пел отец, из записной книжки писателя [Бунин, 2022в, с. 572–573]¹⁰. Таким образом, к концу первой главы текст биографии почти освобождается от романного нарратива, переключившись на цитирование дневников и отдельных записей. Однако эпизод смерти Алексея Николаевича Пушешникова (в «Жизни Арсеньева» – Писарева) вновь возвращает повествование к роману: он снова нужен как источник деталей (заодно заимствуется и бунинская «красочность» текста). Ср. следующий текст биографии:

Все были уже на крыльце, чтобы сесть в экипажи, как в воротах увидели сходящего с дрожек Петю.

– Вы к нам? – спросил он.

– Да...

– Как нельзя вовремя, – медленно в нос, немного нараспев по своей манере, продолжал он, – Алексей Иванович приказал долго жить, – сегодня утром вошел в спальню сестры, поздоровался, упал, и дух вон... [Муромцева-Бунина, 1989, с. 70] –

с текстом романа:

Мы все собрались ехать в Васильевское и уже вышли садиться в тарантас, как вдруг в воротах показалась лошадь, за ней беговые дрожки, а на них наш двоюродный брат Петр Петрович Арсеньев.

– Христос Воскресе, – сказал он, подъезжая, с каким-то преувеличенным спокойствием. – Вы в Васильевское? Как нельзя более вовремя. Писарев приказал долго жить. Проснулся нынче, вошел к сестре, сел вдруг в кресло – и каюк... [Бунин, 1952, с. 140].

Будто бы вдохновившись энергией романного нарратива, биография и в начале следующей (второй) главы постоянно цитирует «Жизнь Арсеньева» – и напрямую и скрыто (ср., например, пассажи о снах героя в первую ночь и шок от крышки гроба наутро в романе и биографии; рассказ о том, как Ваня пешком ушел в Озёрки после отъезда Эмили). Таким образом, использование романа не прекращается и в повествовании о юношестве писателя.

Здесь, пожалуй, можно остановить медленное чтение с подробным разбором источников «Жизни Бунина» и перечислением используемых приемов «перекодировки» романа в биографию. В отличие от других произведений, написанных В. Н. Муромцевой-Буниной, эта книга создавалась с опорой на чужой текст; компиляция разнородных бунинских отрывков формирует ее структуру. Бунинские цитаты берутся из дневников, автобиографического конспекта и романа «Жизнь Арсеньева». Текст «от себя» выполняет связующую функцию, осуществляя переход от одной цитаты к другой, а также нередко замещает собой цитату – переска-

⁹ Ср. эти записи в опубликованном полном тексте дневников [Бунин, 2022б, с. 14–15].

¹⁰ Запись о песне в записной книжке короче, чем ее изложение в «Жизни Бунина». Можем предположить, что в распоряжении Веры Николаевны был несколько более подробный вариант записи этой песни.

зывает ее, чтобы текст романа, и без того обширно представленный в книге, не подавил биографического повествования. Эта техника компиляции была отработана Муромцевой-Буниной в ходе ее предшествующего труда – во время соединения отдельных записей мужа в книгу «О Чехове»¹¹.

Отметим, что использование текста романа и его «перекодировка» – явление, характерное не только для первых глав книги. Текст романа используется в «Жизни Бунина» вплоть до конца третьей главы – рассказа о тяжком переживании Буниным бегства Варвары Пашенко (того самого момента, которым завершается автобиографическая канва «Жизни Арсеньева»). См. в XXX главе пятой книги романа пассаж о нищете родительской жизни, Арсеньеве-отце, который лучше всех понимал, что на душе у сына, и своеобразный плач по отцу, соотносимый с «оплакиванием» матери из начала романа. В «Жизни Бунина» в сокращенном виде повторяются все составляющие этого пассажа:

Легче всего было Ивану Алексеичу с отцом, который без всяких слов умел его успокаивать, иногда брал гитару и тихонько напевал приятным голосом старинные русские песни. Только раз он сказал ему: «Помни, нет больше беды, чем печаль...» И в последние месяцы перед своей кончиной Иван Алексеич очень мучился о последних годах жизни отца. Он представлял, в каких условиях он жил и в каких условиях застала его смерть среди снегов, без медицинской помощи <...> [Муромцева-Бунина, 1989, с. 142].

Размер статьи не позволяет перечислить все случаи использования романа в биографии, а также все элементы структуры «Жизни Бунина». Мы укажем лишь на новые приемы создания биографических значений, появившиеся в последующих главах, а также на ошибки, вызванные использованием романа в качестве биографического источника.

2. Мистификации и ошибки

Начало поэтического творчества (середина второй главы) дано в книге следующим образом: сначала речь идет о смерти С. Я. Надсона (использована большая выписка из романа); затем сказано о том, что эта смерть побудила юношу писать стихи еще более рьяно; сообщается, что он поддался уговорам брата и послал стихотворение в столичный журнал – однако вслед за характерной бунинской мистификацией (еще в дореволюционные годы Бунин напрочь забыл о стихотворении «Над могилой С. Я. Надсона» и называл первым напечатанным стихотворением «Деревенского нищего» – это стихотворение упомянуто как первое и в автобиографическом конспекте [Бунин, 2022а, с. 597]) сообщает, что было послано и напечатано стихотворение «Деревенский нищий». Вслед за тем биограф добавляет от себя, что это был не лучший текст из написанных в юные годы, можно было отправить что-нибудь иное, – и полностью приводит текст стихотворения «Шире грудь, распахнись для принятия...». Точно так же в зрелые годы думал и сам Бунин: именно этим стихотворением он в 1915 г. открыл свое «Полное собрание сочинений» (раздел «Юношеские стихотворения»), поместив «Деревенского нищего» с подзаголовком «Первое напечатанное стихотворение» третьим номером. Получение журнала со стихотворением повторяет автобиогра-

---

¹¹ Подробнее о том, как формировалась книга «О Чехове» см. [Пономарев, 2014, с. 8].

фическую заметку 1915 г. и текст романа (в романе чуть больше подробностей – все они попадают и в «Жизнь Бунина»). Таким образом, помимо следования за романом, книга Муромцевой-Буниной повторяет (возможно, неосознанно – Вера Николаевна могла и не знать, что дело обстоит иначе) автобиографические мистификации Бунина.

Другой принципиальный момент формирования биографического текста: при подготовке книги Вера Николаевна не различала записи Бунина, относящиеся к собственной жизни, и наброски к «Жизни Арсеньева» (как видно из автобиографического конспекта, два типа набросков соединял и сам писатель – это свойство бунинского мышления повлияло и на биографию Бунина). Например, в конце раздела 4 второй главы цитируется запись «Я рос одиноко. Всякий в юности к чему-нибудь готовится...», обнаруженная Верой Николаевной среди бунинских бумаг. Эта запись, как мы теперь знаем, – один из многочисленных набросков не к автобиографии, а к роману¹². Это совершенно ясно при сравнении с другой, несколько более развернутой записью (дублирующей первую) из той же группы набросков: там упомянут брат Николай, т. е. использовано романное, а не реальное имя старшего брата [Бунин, 2019, с. 221]. Такие случаи не единичны. Типологически они сопоставимы с (представляющими собой единый комплекс зарисовок) деревенскими набросками Бунина, приведенными Верой Николаевной по отдельности в нескольких разделах биографии.

В рассказе о первом крымском путешествии использован новый вид источника – длинное письмо Ивана к родным, опубликованное А. К. Бабореко в 1958 г. в сборнике «На родной земле». Полный текст письма включен в «Жизнь Бунина». Это письмо удачно разбивает череду романских цитат – прямых и косвенных. В дальнейшем повествовании будут цитироваться и другие письма Бунина, прочитанные по этой публикации. Длинные письма к Юлию Бунину, полные подробностей отношений с Варей Пашенко, Вера Николаевна предпочитает, как и роман, пересказывать – чтобы не превращать биографию в сборник цитат.

Поездка юного Бунина из Орла в Смоленск, Витебск (по Риго-Орловской железной дороге), а затем в Москву дана кратко – и по роману. Лакмусовой бумажкой оказывается Полоцк, до которого, очень вероятно, Бунин в реальности не доехал, а Арсеньев в романе посетил. Дело в том, что Арсеньев поехал из Витебска в Петербург – по этому маршруту следовало непременно ехать через Полоцк (с пересадкой в Динабурге на поезда Петербурго-Варшавской железной дороги). Бунин же из Витебска, однодневное пребывание в котором отразилось и в творчестве, и в биографических источниках (а возможное пребывание в Полоцке не отразилось никак), отправился в Москву. Чтобы попасть из Витебска в Москву, надо было вернуться в Смоленск и там пересечь с поезда Риго-Орловской железной дороги на поезд Московско-Брестской железной дороги. В автобиографическом конспекте Бунин сразу после Витебска, не упоминая Полоцк, записал: «Москва через Смоленск?» [Бунин, 2022а, с. 598]. Но Вера Николаевна в данном случае, выбирая источник, предпочла конспекту роман. По этой причине посещение Полоцка (даже без вопросительного знака и какого-либо сомнения) попало во все биографии Бунина, включая научные [Летопись..., 2011, с. 65]¹³.

---

¹² См. [Бунин, 2019, с. 227]. Помимо этой записи на отдельном листе бумаги находится еще несколько набросков, тематически близких «Жизни Арсеньева».

¹³ На этой странице «Летописи» (в любом случае) следовало бы еще раз упомянуть Смоленск как пересадочную станцию на пути в Москву.

Однако единственный источник, сообщающий нам о поездке Бунина в Полоцк, – это роман «Жизнь Арсеньева».

Другая ошибка «Жизни Бунина» вызвана наложением конспекта на роман. Она касается начала полтавского периода в жизни писателя. Бунин и Пашенко, согласно биографии, едут в Полтаву вместе – точно так же, как Арсеньев и Лика (XVIII глава пятой книги):

Путь в Полтаву вместе с *нею* был одним из самых счастливых в его жизни, – ведь он еще верил в будущее, радовался, что та, которую он любит, решила делить с ним жизнь, – прекратилась, как ему казалось, его вечная мука [Муромцева-Бунина, 1989, с. 124].

В реальной жизни всё было не так просто. Бунин впервые приехал в Полтаву к переселившемуся туда брату в конце февраля 1892 г. один, без Пашенко. В середине апреля он уедет из Полтавы в Орёл, всё лето проведет в неопределенности, попытается получить место в Харькове, наконец, в августе вновь отправится (и опять один) в Полтаву, где через некоторое время при помощи Ю. А. Бунина устроится на службу в Статистическое бюро Полтавской губернской земской управы. В. В. Пашенко приехала в Полтаву осенью, тогда и началась их совместная с Буниным жизнь [Летопись..., 2011, с. 130–150].

Поддержку изложенной в «Жизни Арсеньева» версии на сей раз можно увидеть и в автобиографическом конспекте:

Харьков, вечер, поцеловала мне руку от счастья.
Полтава, Новое Строение. Спали на полу [Бунин, 2022а, с. 599].

Получается, что Бунин и Пашенко, счастливые, вместе едут в Полтаву (в Харькове нужно было делать пересадку с орловского поезда на поезд до Полтавы), затем они вместе спят на полу в Новом Строении (название небольшого района). Вера Николаевна так и расшифровала записи конспекта:

Юлий Алексеевич снял квартиру, место называлось Новое Строение, дом Волошиновой, снял без мебели и по своей беспомощности не мог один обставить ее даже самым необходимым. Первые ночи пришлось спать на полу [Муромцева-Бунина, 1989, с. 125].

Однако здесь тоже кроется ошибка. «Спали на полу» – как и проживание в Новом Строении – характеризует пребывание Бунина в Полтаве в феврале – апреле 1892 г., когда он жил у брата и вынужден был спать на полу (это видно из писем, которые Иван Алексеевич пишет Варваре Пашенко, – их текст В. Н. Муромцевой-Буниной был неизвестен). К приезду Пашенко братья сняли квартиру по другому адресу – в центре города, значительно более удобную. Воспоминание же о вечере в Харькове, отразившееся в конспекте, относится, надо думать, к более поздним (в 1893 или 1894 г.) переездам Бунина и Пашенко из Полтавы в Елец или в обратном направлении. «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» уверенно исправляет все эти и некоторые другие ошибки и накладки, связанные с жизнью Бунина в Полтаве.

Третий тип ошибки построен на бытовом «домысливании» автора биографии (основой для самостоятельных домыслов вновь послужил текст романа). Так, в автобиографическом конспекте сказано:

Поездка на отправку переселенцев с Зверевым. Написал «На край света» (когда?). Напечатали в «Нов<ом> слове» в октябре [Бунин, 2022а, с. 600].

Бунин ошибочно отнес эти события к 1895 г., произошли же они в 1894 г. – еще до разрыва с Пашенко, на что указывает и текст романа, в котором отразилась поездка на отправку переселенцев, и авторская дата рассказа «На край света». Вера Николаевна верно перенесла эту поездку в 1894 г., но несколько перестроила текст:

Статистик Зверев пригласил его поехать с ним на переселенческий пункт, откуда чуть ли не все село отправлялось в Уссурийский край [Муромцева-Бунина, 1989, с. 140].

Этот странный в данном контексте «переселенческий пункт», появившийся, вероятно, благодаря знакомству автора со статьями о переселении крестьян в Сибирь (переселенческие пункты организовывались по пути следования крестьян, здесь же речь идет о самом начале пути – отправке крестьян Полтавской губернии из своего села), перешел во все биографии писателя, включая «Летопись» [2011, с. 177]. В романе сказано значительно точнее:

Однажды мы с Вагиным ездили в Казачьи броды, старинное село в Поднепровье, были на проводах переселенцев, отправлявшихся в Уссурийскую область [Бунин, 1952, с. 363].

Да и текст рассказа «На край света» не оставляет сомнения в том, что это был не переселенческий пункт, а то самое село, откуда началось движение переселенцев: в рассказе, к слову, сказано, что село опустело наполовину, – это, надо думать, значительно точнее, чем в биографии.

Незначительная ошибка с переселенческим пунктом становится системной, если заглянуть в более ранние разделы биографии. Видимо, предваряя это важное событие 1894 г. (рассказ «На край света», по сути, принес Бунину широкую известность как прозаику), биограф добавляет «предысторию». Описывая Полтавское земство, Вера Николаевна сообщает: два статистика, которых Иван особенно полюбил в Харькове, «перекочевали» вместе с Юлием из Харькова в Полтаву – один был Зверев, фамилию второго она забыла [Муромцева-Бунина, 1989, с. 126]. Получается, что Бунин был давно знаком со Зверевым – по крайней мере, с 1891 г. Однако это никак невозможно: Дмитрий Иванович Зверев – статистик известный; в 1892 г. (когда Бунин впервые появился в Полтаве) он начинал земскую службу в Нижегородской управе, прославился там во время борьбы с голодом победой над местными чиновниками и удостоился благодарности В. Г. Короленко. Эта абберация вызвана романом «Жизнь Арсеньева»: в нем статистик Вагин, для которого Зверев послужил прототипом, действительно, сначала живет в Харькове, а потом переезжает в Полтаву.

Следующая часть «предыстории» служит в тексте биографии переходом к событиям 1894 г. Отнесен этот пассаж к 1892 г. – сразу после него идет сообщение о встрече 1893 г.:

Иногда статистик Зверев брал с собой молодого писателя, когда объезжал села и деревни для опросов, и это было большим наслаждением для него [Муромцева-Бунина, 1989, с. 132].

Эти сведения перекочевали из «Жизни Бунина» и в «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» с той же датировкой – конец 1892 г. [Летопись..., 2011, с. 151]. Однако это тоже маловероятно. В составе Статистического бюро Зверев указан только в адрес-календаре Полтавской губернии на 1895 год. Судя по этой

детали, он начал службу в Полтаве в 1894 г. (адрес-календари на следующий год обычно составлялись в конце предыдущего). В 1895 г. Зверев переехал в Барнаул, где продолжил службу по земству. Таким образом, в Полтаве он служил недолго. Не исключено, что поездка со Зверевым в село Великий Перевоз, отразившаяся в рассказе «На край света», была для Бунина единственной в своем роде. Частые разъезды Бунина по губернии – сведения, извлеченные Муромцевой-Буниной из романа (в других источниках биографии ничего об этом нет). В XXIII главе пятой книги сказано, что первая поездка Арсеньева случилась летом, его взял с собой Вагин, который зачем-то был отправлен в Шишаки (местечко Миргородского уезда Полтавской губернии). Из Шишак герои едут в большое село за излучиной Псе́ла. Но это село, если посмотреть на географическую карту, и есть Великий Перевоз (расположено вверх по течению реки к северу от Шишак), упомянутый в рассказе «На край света». Вторая, кратко описанная поездка Арсеньева с Вагиным (глава XXIV пятой книги), – поездка в село Казачьи броды (выдуманный топоним, замещающий село Великий Перевоз) на проводы переселенцев. Ни о каких других поездках Арсеньева с Вагиным роман не сообщает. Исходя из этих наблюдений, можно задать вопрос: часто ли молодой Бунин сопровождал Д. И. Зверева в его поездках или это случилось всего один раз летом 1894 г. и произвело настолько сильное впечатление на молодого Бунина, что практически сразу вылилось на бумагу?

Это основные ошибки «Жизни Бунина», спровоцированные «Жизнью Арсеньева». Они нисколько не умаляют значимости книги В. Н. Муромцевой-Буниной: примерно на полвека она стала главной биографией писателя, незаменимым источником сведений для всех буниноведов. Однако сегодняшнее буниноведение идет вперед, и на нынешнем этапе критическое отношение к первой посмертной биографии писателя необходимо. Кроме того, необходим и новый взгляд на книгу Муромцевой-Буниной: «Жизнь Бунина» следует рассматривать не как академическое сочинение, а как образец биографической прозы первой волны эмиграции – с характерной компилятивной структурой и «поэтикой ностальгии».

Список литературы

Бунин И. А. Автобиографическая заметка. Письмо к С. А. Венгеру // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: А. Ф. Маркс, 1915. Т. 6. С. 320–332.

Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

Бунин И. А. <Автобиографический конспект>. Предисловие, подготовка текста и примечания Е. Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2022а. С. 591–631.

Бунин И. А. Дневники 1885–1953 гг. Предисловие, подготовка текста и примечания Т. М. Двинятиной, О. А. Коростелева, С. Н. Морозова // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2022б. С. 5–441.

Бунин И. А. Записные книжки. Предисловие, подготовка текста и примечания Е. Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2022в. С. 442–590.

Бунин И. А. наброски. Предисловие, подготовка текста и примечания Е. Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 132–322.

Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Сост. С. Н. Морозов. Том 1. 1870–1909. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1989. 507, [2] с.

Пономарев Е. Р. Предисловие // «Когда переписываются близкие люди...». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3) / Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарева, Р. Дэвиса, сопроводительные статьи Е. Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. С. 5–22.

References

Bunin I. A. Avtobiograficheskaia zametka. Pis'mo k S. A. Vengerovu [Autobiographic note. A letter to S.A. Vengerov]. In: Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 6 t.* [Complete works: in 6 vols.]. Petrograd, 1915, vol. 6, pp. 320–332.

Bunin I. A. Avtobiograficheskiy konspekt [Autobiographical note]. E. R. Ponomarev (Preface, prep. of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research. Bk. 2]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.), T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev (Eds.). Moscow, IMLI RAS, 2022a, pp. 591–631.

Bunin I. A. Dnevnik 1885–1953 gg. [Diaries of 1885–1953]. T. M. Dvinyatina, O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Preface, preparation of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research. Bk. 2]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.), T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev (Eds.). Moscow, IMLI RAS, 2022, pp. 5–441.

Bunin I. A. Nabroski [Sketches]. E. R. Ponomarev (Preface, prep. of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 1* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research. Bk.1]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.). Moscow, IMLI RAS, 2019, pp. 132–322.

Bunin I. A. Zapisnye knizhki [Notebooks]. E. R. Ponomarev (Preface, prep. of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.), T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev (Eds.). Moscow, IMLI RAS, 2022v, pp. 442–590.

Bunin I. A. *Zhizn' Arsen'eva. Yunost'. Pervoe polnoe izdanie* [Life of Arseniev. Youth. The first full edition]. New York, Chekhov Publishing House, 1952, 388 p.

Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina [The Chronicle of life and creative activity of Ivan Bunin]. S. N. Morozov (Comp.). Moscow, IMLI RAS, 2011, vol. 1: 1870–1909.

Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn' Bunina: 1870–1906. Besedy s pamiatiu* [The Life of Bunin: 1870–1906. Conversations with Memory]. A. K. Baboreko (Comp., foreword, and notes). Moscow, Sov. Pisatel', 1989, 507, [2] p.

Ponomarev E. R. Predislovie [Foreword]. In: *“Kogda perepisyvayutsya blizkie lyudi...” Pis'ma I. A. Bunina, V. N. Buninoy, L. F. Zurova k G. N. Kuznetsovoy i M. A. Stepun (I. A. Bunin. Novye materialy. Vyp. 3)* [“When the close friends are wrtining to each other...”. The letters of I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov to G. N. Kuznetsova and M. A. Stepun (I. A. Bunin. New materials. Vol. 3)]. E. R. Ponomarev and R. Davis (Comp., prep. of the text, scientific apparatus)]. Moscow, Russkiy put', 2014, pp. 5–22.

Информация об авторе

Евгений Рудольфович Пономарев, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия); профессор Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Evgeny R. Ponomarev, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Department of Russian Literature of Late 19th and Early 20th Centuries of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Professor of Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 25.02.2022;
одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted on 25.02.2022;
approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 12.04.2022*